

СЕРГЕЙ ШЕВЧЕНКО

Авантюрист

Книга 1

12+

Сергей Шевченко

**Авантюрист. Книга 1.
Одному в чертог не войти**

«Автор»

2026

Шевченко С.

Авантюрист. Книга 1. Одному в чертог не войти / С. Шевченко — «Автор», 2026

Медный жетон. Куртка не по размеру. И просьба, над которой посмеиваются бывалые авантюристы. В шестнадцать лет он одной рукой зашвырнул огненного дракона за облака — и ушёл из города, пока люди не успели его испугаться. Прошли годы. Теперь он золотой ранг, который работает только в одиночку и прячет свои дары: неуязвимость к огню, полёт, магию и способность забирать силу у каждого побеждённого чудовища. Легенда об энерго-кристалле зовёт его в древний чертог, но в ней есть строка, с которой не справится никакая сила: «Одному в чертог не войти». Гидра у Чёрной топи сводит его с болтливым магом Барсом и молчаливым эльфом Эдвардом. Впереди подземелья, мёртвый город, каменные гиганты, тень, которая знает о тебе всё, и чёрный дракон, охраняющий меч повелителя тьмы. Но самое трудное для сильнейшего — научиться доверять друзьям и узнать, как дорого стоит одна ошибка. Первая книга фэнтези-цикла из четырёх книг. С иллюстрациями к каждой главе.

© Шевченко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Медный новичок	7
Глава 1. Путешествие за энерго-кристаллом	13
Глава 2. Гидра	20
Глава 3. Ночь теневых волков	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Шевченко

Авантюрист. Книга 1.

Одному в чертог не войти

Сергей Шевченко

АВАНТЮРИСТ

Книга 1

Одному в чертог не войти

Фэнтези · 12+

avanturistbooks.com

© Сергей Шевченко, текст, 2026.

Сюжет, мир и герои цикла «Авантюрист» придуманы автором. Литературная редакция текста выполнена с помощью ИИ.

Иллюстрации созданы с помощью нейросети Midjourney.

Цикл «Авантюрист»: книга 1 — «Одному в чертог не войти». Продолжение — книги 2–4.

Сайт цикла: avanturistbooks.com

Пролог. Медный новичок

В гильдии авантюристов приграничного городка Велиград пахло мокрыми плащами и кислым пивом. На доске заданий висели десятки листков: «Извести крыс в амбаре», «Сопроводить обоз до Каменного брода», «Найти пропавшую козу (рыжая, с колокольчиком, бодается)». Возле одного листка, свежего, с большой красной печатью гильдии, уже собралась толпа.

«ОГНЕННЫЙ ДРАКОН. Гнездо на опушке Старого леса, в пяти верстах от городских стен. Сжёт две мельницы и стадо. Награда — сорок золотых».

— Сорок золотых, — присвистнул дварф Борун, поглаживая рыжую бороду, заплетённую в три косы. — Да на эти деньги можно полгода не вылезать из таверны.

— Если останешься жив, чтобы в неё вылезти, — заметил эльф Лаэль и поправил колчан за спиной.

Старый маг Ферн разглядывал печать, затем снял листок с доски, сложил вчетверо и спрятал за пояс. Это значило, что группа серебряного ранга берётся за дело.

— Возьмите меня с собой.

Все трое обернулись: перед ними стоял худой парень лет шестнадцати, не больше, в поношенной куртке не по размеру и с потёртым медным жетоном гильдии на шее. Медный — самый низкий ранг, ранг тех, кто ловит крыс и ищет коз с колокольчиками.

— Иди-ка ты, малец, — добродушно буркнул Борун. — Это дракон, а не рыжая коза.

— Я знаю, что такое дракон, — ответил парень. — Огненные драконы живут до трёхсот лет, откладывают по два яйца раз в десятилетие, а их чешуя выдерживает удар обвала. Я читал.

— Читал он, — фыркнул эльф. — Драконы, знаешь ли, в книжках не кусаются.

— Тогда я посмотрю, как кусаются они не в книжках. Мне нужно это увидеть.

— Как тебя зовут? — Ферн впервые поднял на новичка светлые внимательные глаза в сеточке морщин.

— В гильдии меня записали просто: «авантюрист». — Парень помедлил: об этом его спрашивали нечасто. — Мне так нравится.

— Скромно, — усмехнулся Лаэль.

— Ладно, — решил Ферн. — Пойдёшь с нами. Но с условием: будешь сидеть в кустах, тише мыши, и смотреть. Не вмешиваться. Ни при каких обстоятельствах. Ясно?

— Ясно, — ответил он, и почему-то никому из троих не показалось, что он врёт.

Борун уже проталкивался к дверям, деля вслух сорок золотых на четверых, а затем, с надеждой, на троих.

* * *

Гнездо они нашли к полудню. Искать не пришлось — от опушки Старого леса тянулась чёрная полоса выжженной земли, пахло гарью и палёной шерстью. Новичок всю дорогу читал на ходу, и Лаэль дважды оборачивался.

— Ты хоть смотришь, куда идёшь?

— Смотрю. — Новичок перевернул страницу. — Краем глаза. Тут про хвост.

Посреди пепелища, на груде обугленных брёвен — остатков чьей-то мельницы — свернулся кольцом дракон.

Спящий дракон был с небольшой холм, и каждая пластина его красно-бурой чешуи — с хороший щит. Из ноздрей при каждом выдохе вырывались струйки дыма, и сухая трава вокруг морды тлела. Под чешуёй у самого горла разгорался и угасал оранжевый свет: там, внутри, жило пламя. Борун перестал улыбаться, а Лаэль — язвить.

— Так, — прошептал Ферн, когда они отползли за поваленную сосну. — Слушайте. Борун, ты заходишь слева, бьёшь по задней лапе — там чешуя тоньше. Лаэль, твоя цель — глаза. Пока он ослеплён, я накрываю его ледяной сетью и держу, сколько смогу. Если он взлетит — мы проиграли, понятно? Не дать ему взлететь.

— А если он дыхнёт? — спросил дварф.

— Значит, не стой там, куда он дышит.

Борун молча собрал все три косы бороды и заправил их за пояс.

— А за хвост его можно? — спросил сзади новичок.

— Что?

— Схватить. В книге сказано, что хвостом он правит в полёте...

— В книге, — повторил Ферн, следя за струйками дыма из драконьих ноздрей. — Малец, ты сидишь здесь. За этой сосной. — Он обернулся: за сосной никого не было. Авантюрист в открытую шёл прямо к дракону по выжженной земле, и пепел поднимался облачками у него из-под сапог.

— Да чтоб тебя... — простонал Борун.

Дракон открыл жёлтый глаз — тележное колесо с вертикальным зрачком. Зрачок сузился на крохотной фигурке посреди пепелища, и чудовище подняло голову. Оранжевое свечение в горле вспыхнуло ослепительно-белым.

— Ложись! — заорал Ферн.

Дракон выдохнул — и поток пламени ударил в то место, где стоял новичок, и разлился по земле. Жар докатился даже до сосны, у Лаэля затрещали кончики волос, и Борун закрыл лицо рукавицей. Огонь ревел несколько долгих секунд, наконец дракон захлопнул пасть, и стало тихо — только потрескивали угли да кружились в воздухе хлопья пепла.

— Всё, — глухо сказал дварф. — Нет больше мальчика.

Ферн стянул с головы шляпу. Дым оседал нехотя, и сквозь него проступил выжженный до стекла круг земли с оплавленными камнями, а в самой середине — фигура. Авантюрист стоял на том же месте. Его старая куртка обуглилась и висела лохмотьями, один рукав сгорел полностью. Но сам он был цел. Ни ожога, ни волдыря. Он деловито стряхнул с плеча тлеющий лоскут.

— Не может быть, — прошептал Лаэль. — На нём же ни артефактов, ни брони. Ничего.

Дракон, кажется, подумал о том же. Он недоверчиво повёл головой, снова набрал воздуха и выдохнул пламя сильнее и дольше прежнего. Человек пошёл сквозь огонь, прикрыв глаза ладонью, и подошёл вплотную. Теперь он доставал дракону разве что до колена.

Чудовище попятилось, рванулось вверх и расправило кожистые крылья, сквозь которые просвечивало солнце. От первого взмаха пепел поднялся над всей опушкой. Дракон бил крыльями, ревел, рвался в небо и не мог оторваться от земли. Потому что Авантюрист держал его за хвост. Одной рукой.

— Это... — Борун дёрнул себя за косу бороды так, что сам охнул. — Это как это?

Новичок перехватил хвост поудобнее, упёрся ногами в оплавленную землю, развернулся — и рванул. Многотонная туша описала в воздухе дугу и с грохотом обрушилась спиной о землю — с сосны посыпались шишки. По драконьей чешуе — той самой, что, по всем книгам, выдерживает удар обвала, — побежали трещины, и несколько пластин с хрустом отлетели в сторону. Дракон заскулил тонко и жалобно, совсем не по-драконьи, перевернулся на брюхо и, волоча помятое крыло, пополз к лесу, норовя спрятаться за обломками мельницы.

Авантюрист догнал его в три шага, снова схватил за хвост, снова поднял — и теперь уже не ударил. Он раскрутил дракона над головой, будто пращу, раз, другой, третий — и отпустил.

Дракон улетел в небо. Он кувыркался, становился всё меньше, превратился в красную точку над лесом и пропал за облаками.

Где он упал, так никто никогда и не узнал.

* * *

Когда Авантюрист вернулся к поваленной сосне, трое серебряных стояли, тесно прижавшись друг к другу. Смотрели они на него так, будто это он был драконом.

— Вы извините. — Новичок переступил с ноги на ногу, взбив облачко пепла. — Я знаю, вы просили не вмешиваться. Но вы бы с ним не справились. Он бы взлетел.

— Ты кто такой, парень? — откашлявшись, спросил Ферн.

— Авантюрист. Медного ранга. — Он покосился на свой обгоревший рукав. — Куртку жалко. Хорошая была.

Борун вытащил бороду из-за пояса и задрал её к облакам, куда ушёл дракон.

— А за улетевшего дракона, — спросил он у неба, — платят?

— Нужно доказательство, — согласился новичок.

Он наклонился, подобрал с земли четыре треснувшие чешуйки, каждая в две ладони, и протянул их Боруну. Дварф машинально взял и едва не уронил — чешуя ещё не остыла и весила, как жернов.

— Это... да, — пробормотал Борун. — Доказательство. Ага.

Обратно шли молча. Через полверсты Борун сдался, Лаэль взял одну чешуйку, крикнул и вернул, и дальше все четыре нёс новичок — под мышкой, как стопку лепёшек. Ферн то и дело косился на него, Лаэль держал руку поближе к ножу и другой рукой ощупывал опалённые кончики волос, а Авантюрист замечал эти взгляды и держался позади.

В гильдии их встретили сначала смехом — «что, испугались и вернулись?» — потом тишиной, когда на стойку легли драконьи чешуи. Приёмщик, толстый лысый мужчина по прозвищу Кубышка, вертел одну в руках, царапал ножом, нюхал, даже лизнул.

— А сам дракон где?

Новичок молча показал пальцем вверх. Кубышка поднял глаза к закопчённым балкам потолка, где висела паутина и чей-то забытый сапог, опустил их обратно и отсчитал сорок золотых.

Деньги разделили на четверых. Вечером в таверне Борун заказал всем по кружке и поднял тост «за самого страшного медного новичка в истории гильдии». Новичок огляделся, понял, что ждут его, поднял кружку и сказал: «За меня», — и Борун грохнул кружкой о стол так, что расплескал половину, а Лаэль наконец убрал руку от ножа. Ферн между делом спросил, где новичок научился так обращаться с драконами.

— Нигде. Я всегда был такой. — И он вернулся к своей кружке, из которой за весь вечер отпил два глотка.

* * *

Утром Ферн застал его у ворот гильдии. Новичок стоял в новой куртке, купленной на рынке, с небольшим заплечным мешком, из которого торчали корешки книг.

— Уходишь? — спросил старый маг, и новичок кивнул.

— Мы бы взяли тебя в группу. Насовсем. С такой силой ты через год будешь серебряным, а через пять — золотым.

— Знаю. — Он вскинул мешок повыше и подтянул лямку. — Вчера вы на меня смотрели. Все трое. Не обижайтесь, я понимаю. Я бы тоже так смотрел. Но если про меня узнает весь город, на меня будут смотреть так все. А потом кто-нибудь испугается по-настоящему. Скажет, что я не человек. И придёт ночью с факелом. — Он дёрнул лямку ещё раз, хотя она и так сидела. — Я не хочу ни с кем ссориться. Мне проще уйти.

Пока он возился с лямкой, из-за ворота новой куртки выскользнул тёмный шнурок, а на нём — небольшой старый медальон. Он качнулся и блеснул на солнце.

Ферн не договорил того, что собирался. Он смотрел на медальон. Пальцы, теребившие пряжку пояса, замерли на полпути. Авантюрист проследил за его взглядом и быстро затолкал медальон обратно под рубаху.

Старый маг отвернулся к дороге за воротами, покрутил на пальце простое серебряное кольцо, снял его и протянул новичку.

— Возьми. Ничего волшебного, просто на память. Ты прав, парень, испугаются многие. Но не все. Запомни это. Когда-нибудь тебе встретятся те, кто не испугается. Не прогоняй их.

Он взял кольцо, надел на мизинец и ушёл по дороге, ведущей на восток. Ферн смотрел ему вслед, пока тонкая фигурка с торчащими из мешка книгами не скрылась за поворотом.

В мешке у него за спиной лежала книга о драконах, дочитанная до последней страницы.

* * *

В ту же ночь Ферн не ложился. За стеной храпел Борун — с присвистом, на два голоса, — внизу кто-то допевал песню про трёх пастухов, а старый маг сидел у окна над листом бумаги, и свеча перед ним оплыла уже на палец.

Первую строку он написал и зачеркнул. Начал на новом листе, дописал до середины, перечитал и поднёс край к пламени, а пепел аккуратно смахнул в ладонь. Третий лист он исписал быстро, ни разу не подняв пера.

Потом сложил письмо, накапал на сгиб воску и по старой привычке потянулся к пальцу, где сорок лет носил кольцо. Палец был пуст. Ферн посидел, глядя на тёплый воск, и прижал его большим пальцем.

На рассвете у городских ворот он отдал письмо гонцу. Тот ни о чём не спросил, сунул письмо за пазуху к другим и тронул коня.

Мальчишка ушёл на восток. Гонец поскакал по другой дороге.

Глава 1. Путешествие за энерго-кристаллом

Дверь гильдии авантюристов в Сторожевце была дубовая, в железных полосах, и скрипела так, что о каждом входящем знал весь зал. Медные новички брали её с разбегу плечом, серебряные тянули двумя руками и кряхтели, а про золотых говорили, что они ждут, пока кто-нибудь выйдет.

Авантюрист толкнул её ладонью, думая о своём, и дверь с размаху грохнула о стену. Разговоры за длинными столами оборвались. Он спохватился, налёг на створку плечом и крякнул — на вдох позже, чем следовало.

Он был высокий и широкоплечий, в тёмной куртке и стоптанных сапогах. Оружия при нём не было, только на шее поблёскивал золотой жетон гильдии. Хромал он на левую ногу, перетянутую под штаниной лубком, и опирался на ореховую палку, хотя взял её, похоже, лишь затем, чтобы не спорить с лекарем.

— Это он, — шепнул один из двух серебряных у самого входа. — Нелюдимый золотой.

— Который в одиночку виверну с Сухого перевала завалил?

— Так болтают. Сам он про виверну ни слова. — Парень понизил голос. — А меч и доспехи прямо из воздуха достаёт. Федот сам видел.

— Федот и говорящую шуку сам видел. Ты глянь на него: его дверью чуть не прибило.

Проходя мимо, он вежливо кивнул обоим, и парни поперхнулись пивом.

Доска заданий была как в любом городе: листки на гвоздях, кривые надписи писарей, а кое-где листок приколот ножом — значит, висит давно и кому-то надоело ждать. «Сопроводить купца до Ольховой переправы». «Извести гнездо гоблинов в старой каменоломне». «Найти пропавшего мальчика (рыжий, лет восьми, откликается на Тимошку)». Ниже кто-то приписал углём: «Нашли. Сидел на сеновале».

Рядом с доской, там, где обычно вешали объявления о пропавших лошадях, белел свежий лист плотной бумаги с пурпурной королевской печатью — корона и скрещённые ключи. Возле него толпились, как у бочки с дармовым пивом.

«Указ Его Величества. Всякий подданный, чья сила превыше золотого ранга, да явится в столицу и поступит на службу к Избранным. Укрывающийся же будет сыскан и доставлен под стражей».

Под указом теснились четыре портрета кисти не самого талантливого художника и подписи: «Ренальд, Избранник Копья. Торвин, Избранник Молота. Кассиан, Избранник Клинка. Лира, Избранница Посоха». У каждого в руках была нарисована реликвия короны — Громовое Копьё, Рассветный Молот, Ледяной Клинок и Звёздный Посох, — и Посох вышел у художника заметно лучше, чем лицо Лир.

— Это что ж, и меня в столицу потащат? — Рыжий медный парень с перевязанным ухом выпятил грудь. — Я почти серебряный.

Никто даже не обернулся. Рыжий постоял, потрогал повязку на ухе и побрёл к стойке за пивом.

— А кто хоть сильнее золотого бывает? — спросили сзади.

— Вон. — Старый вояка с сизым носом ткнул кружкой в портреты. — Четверо. Нарисованные.

Авантюрист прочёл указ дважды, от печати до последней завитушки писаря, вернулся к заданиям и снял с гвоздя в самом углу пожелтевший листок: «Глухоборье. Пропадают лесорубы — пятеро за месяц. Следы неизвестного зверя, крупного. Ранг — не ниже золотого. Награда — двадцать пять золотых от артели».

Приёмщица Ведана, сухонькая женщина с острым носом и цепким взглядом, по слухам, помнила в лицо каждого, кто хоть раз переступал порог гильдии. Она взяла листок, прочла и покосилась на его ногу.

— Нет, — сказала она.

— Я ещё ничего не спросил.

— Вот и не спрашивай. Лекарь Ждан мне всё рассказал. Перелом, неделю назад. Тебя оползнем на Козьем склоне накрыло, а ты сам себя из-под камней выкопал и полдня до города ковылял. Ждан велел шесть недель лежать.

— Я и лежал. Неделю.

— Лекарь сказал: «Если этот упрямец опять куда-нибудь полезет, я ему вторую ногу сломаю, для ровного счёта».

— Не сможет. — Он переставил палку.

— Это ты ему объясни.

— Ведана, там пропадают люди. Листок висит с весны. Серебряные не имеют права, а золотых в Сторожевце, кроме меня, нет.

— И что ты будешь делать, если встретишь этого «крупного зверя» на одной ноге?

— Мне не бегать. Мне посмотреть.

— Шесть недель ты всё равно не усидишь, я тебя знаю. — Ведана поджала губы, но перо в чернильницу всё-таки макнула. — Так хоть три дня посиди. Листок забирай, но за дело возьмёшься не раньше, и сперва покажешь ногу Ждану. Мёртвые золотые гильдии без надобности. — Она кивнула в сторону королевского листа. — Указ видел?

— Прочёл. Дважды.

— Обновили. Указу лет десять, а лист прислали свежий, и одно место в нём переписали. Раньше в конце стояло «да вразумится», теперь — «доставлен под стражей». — Ведана постукала пером о край чернильницы. — Выше золотого гильдия рангов не даёт. Кто выше, тех считает уже стража. В списках, что гильдия шлёт в столицу, я про тебя каждый год пишу одно и то же: золотой, ходит один, нрав скверный. Про виверну там ни слова — и не будет. Больше я про тебя не знаю и знать не хочу. — Она прищурилась. — Хотя ты на них похож, знаешь? Не лицом — лицом на этих, надеюсь, никто не похож. Тем, что тоже делаешь то, чего другим не сделать.

— Я просто рано ложусь.

— Врёшь. Онисим жалуется, у тебя свеча до утра горит.

— Значит, рано встаю. Всего доброго, Ведана.

Он спрятал листок за пазуху и захромал к выходу. На этот раз о двери он помнил заранее и открыл её, как положено серебряному, — двумя руками.

* * *

Глухоборье начиналось сразу за северной стеной Сторожевца. Лесорубы ходили туда артелями по двадцать человек — и всё равно возвращались не все.

Через рыночную площадь он шёл не торопясь, и не только из-за ноги. Первый такой указ он увидел в тот год, когда ушёл из Велиграда, и с тех пор не задерживался ни в одном городе дольше пары лет. Потом на указах появились четверо. Много лет он считал, что такой один на свете — ошибка, недосмотр богов. А оказалось, были и другие. Их нашли, вручили им реликвии и нарисовали на указах — пусть и плохо.

Он попробовал представить себя пятым на этом листе: рыцари свиты по пятам, толпа у каждого ворот, и каждый в толпе прикидывает, далеко ли от тебя стоит. Свободных вечеров над книгой там не дают, а куда идти, решает кто-то другой.

Про огонь и силу он знал всегда. Лет в пятнадцать к ним добавилась магия — целое озеро где-то под рёбрами; первое заклинание он сотворил по книжке с лотка бродячего торговца, спалил полсарая, где ночевал, и заплатил хозяину втрое. Камни на Козьем склоне его даже не оцарапали: от удара кожа у него в тот же миг каменела. Только кость под кожей каменеть не умела, и, когда ногу зажало между глыбами и вывернуло, она сломалась. А каменная кожа выпила его досуха: ни перенестись к городским стенам, ни хоть огонёк зажечь — и полдня он ковылял до ворот, как ковылял бы любой.

Насчёт меча серебряные не ввали. Но в городе он ходил с пустыми руками, и никто — ну, почти никто — не оборачивался ему вслед.

Под рубахой у него висел на крепком шнурке небольшой старый медальон. Он никогда его не снимал и никому не показывал.

* * *

Он снимал комнату над лавкой переплётчика. Глуховатый старик Онисим не задавал вопросов — даже о том, почему жилец возвращается среди ночи с запахом гари на сапогах. Неделию назад Онисим обмолвился, что из разорившегося монастыря ему привезли на переплёт сундук старых книг, и Авантюрист попросил отложить для него «Сказания о чертогах Древних»: это название попадалось ему в чужих сносках уже раза три.

— А! — закричал Онисим, едва звякнул колокольчик над дверью. Глухие всегда говорят так, будто стоят на другом берегу реки. — Второй за неделю спрашивает! Утром был господин в сером. Вежливый такой. Купил такую же и спросил, кто ещё её берёт.

— Такую же?

— Списков было два! Один я ему продал. Второй себе оставил: картинки там хорошие.

— А что вы ему сказали? Кто ещё берёт?

— Правду сказал. Что берёт жилец мой, сверху. Что по ночам читает и книгами хлопает. — Онисим пожевал губами. — Он посмеялся. А говорил так, что я каждое слово разобрал, хоть и не кричал. Не то что ты — бормочешь.

— Какой он был?

— Высокий. Сутулый. Волосы седые, длинные, на затылке завязаны, а сам не старый, лет сорок. А глаза — как у деда моего перед смертью. — Онисим искал слово, не нашёл и махнул рукой. — В чёрных перчатках, тонких таких. — Он пошевелил пальцами в воздухе, показывая. — Мою книгу тоже полистал, я разрешил: перчатки-то чистые. И пахло от него, как у меня в мастерской. Чернилами. И печкой, которую давно не топили.

Авантюрист положил на прилавок серебрушку, а рядом с ней вторую. Онисим вздохнул и полез под прилавок.

— Три. — Он выложил книгу на прилавок и, пока третья монета не легла рядом с первыми двумя, не убрал с неё ладони. — Картинки там хорошие.

Деньги он ссыпал в жестяную коробку из-под леденцов и долго закрывал крышку, которая не закрывалась.

* * *

Книги в маленькой комнате стояли на двух полках, лежали стопками на полу, на подоконнике, под кроватью и на единственном стуле — гостю, появившись он когда-нибудь, пришлось бы сидеть на книгах.

Когда-то он читал потому, что книги не смотрели на него со страхом. А потом начал искать в них легенды об артефактах: чудовищ становилось больше, в трактирах всё чаще упоминали повелителя тьмы, которого когда-то едва сумели одолеть, и он всё яснее понимал, что однажды ему понадобится вся сила, какую только можно собрать. Всё найденное он выписывал в толстую тетрадь и отмечал на картах.

Этим вечером он сел на кровать, вытянул больную ногу на табурет и положил на колени книгу Онисима: тяжёлый том в потрескавшемся переплёте, с пятнами плесени. На первой странице выцветшими бурыми чернилами было выведено: «Сказания о чертогах Древних». Он хотел начать с начала, но книга сама раскрылась ближе к середине, на сто сорок седьмой странице, будто её там долго держали открытой.

Между страницами лежало перо. Чёрное, длинное, с синеватым отливом, как у ворона, — только очин у него был срезан наискось, по-писарски, и кончик потемнел от засохших чернил. Перо лежало поперёк абзаца.

«И сокрыт был в глубине земной кристалл, именуемый Энергическим, сиречь Сила Творящая. Кто коснётся его и будет принят им, тот обретёт дар вкладывать силу в мёртвое железо и простой камень, в дерево и в ткань, дабы стали они чудом».

Он прочёл абзац ещё раз, ведя пальцем по строке, и забыл про перо. Энерго-кристалл. Если хотя бы половина этого правда, ему больше не придётся искать артефакты по пыльным подземельям — он будет делать их сам.

Дальше шло запутанное описание пути: «Ступай на север, к трём сёстрам, что стоят спиной к спине. Оттуда держи путь туда, где река поворачивает против солнца, и ищи камень, расколотый молнией надвое».

Он достал из сундука магические карты — двенадцать листов тонкой кожи из наследства королевского картографа: проведи над ними ладонью с магией, и места древней силы засве-

тятся. Три сестры — три скалы в предгорьях Кряжистого хребта — нашлись сразу; петлю против солнца из тамошних рек закладывала одна Сивая, и в её верховьях под ладонью загорелась голубоватая точка. Он отметил её углём. Недели три пути, а с его ногой — все четыре. Он уже мысленно собирал мешок, когда взгляд упал на последнюю строку абзаца, втиснутую мелким почерком под край страницы.

«Но знай, путник: одному в чертог не войти. Двое да пройдут, а одинокий останется у порога навеки».

— Ну конечно, — сказал он и захлопнул книгу так, что подпрыгнула свеча. — Конечно.

Снизу стукнули в потолок, три раза, со значением. Грома Онисим не слышал, а захлопнутую книгу слышал всегда.

Из-под задней крышки от удара выполз уголок сложенного листа. Он вытянул его и развернул на колене. Это была карта на тонкой старой бумаге, нарисованная чьей-то очень аккуратной рукой. Мелкие ровные буквы с завитками, какими давно никто не пишет: «Три сестры». «Сивая». Петля реки против солнца. У её верховьев — крошечная чернильная точка, ровно там, где на его кожаной карте только что засветилась голубая.

А дальше, за грядой холмов, куда его карты не доставали, кто-то нарисовал кружок и перечеркнул его крест-накрест. Без подписи.

Он сидел с картой в одной руке и пером в другой, пока внизу Онисим не загремел засовом. Господин в сером спрашивал, кто ещё берёт эту книгу, и листал её в тонких перчатках. Кто-то разгадал загадку раньше него, сунул ответ под заднюю крышку и заложил пером нужную страницу — чтобы он, чего доброго, не промахнулся.

Карту можно было сжечь на свече, перо — выбросить в окно, а книгу вернуть Онисиму и забыть. Он разгладил листок на колене и убрал в тетрадь. Перо он положил туда же — и поймал себя на том, что уже прикидывает, сколько дней пути от верховьев Сивой до перечёркнутого кружка.

Оставалась последняя строка, и с ней было хуже. Легенда требовала спутника, а спутник увидит: через подземелье, полное ловушек и стражей, не пройдёшь, ни разу не показав, на что способен. Увидит, испугается, расскажет другим. Что бывает после, теперь было написано на королевском листе.

Он потёр большим пальцем тонкое серебряное кольцо на мизинце — подарок Ферна. «Испугаются многие, — сказал ему когда-то старый маг у ворот Велиграда. — Но не все».

— Может быть, — сказал он, достал из сундука новую свечу и зажёл её от огарка. До утра надо было ещё выписать всё, что книга говорила о трёх сёстрах, и на этот раз страницы он переворачивал бесшумно.

* * *

Утром он встал, едва над крышами начало сереть. Нога ныла, а три дня в четырёх стенах над картой он бы всё равно не выдержал: на ходу ему всегда думалось лучше, а в лесу лучше, чем в городе. Ведана запретила браться за задание, но про прогулки она ничего не говорила. А если заодно получится взглянуть на следы зверя, который таскает лесорубов, — что ж, только взглянуть.

Стражник у северных ворот проводил его взглядом: хромой с палкой и без оружия уходил в Глухоборье один — с таким видом, с каким ходят на рынок за яблоками. Где-то высоко стучал дятел, а он переставлял палку и думал.

Можно нанять кого-нибудь в гильдии и взять клятву молчать. Но клятвы нарушаются, а деньги кончаются. Можно пойти одному вопреки легенде и, если она не врёт, навсегда остаться у порога. Можно забыть про кристалл — эту мысль он даже не додумал, мотнул головой и пошёл дальше.

Он не заметил, как ушёл далеко от лесорубных просек. Деревья стали выше и темнее, тропа сузилась, под ногами захлопало — рядом начиналась Чёрная топь. Свет пробивался

сквозь кроны косыми лучами, и в них плавала мошкара. Он прислонился к стволу, чтобы дать отдых ноге. Дятел умолк, за ним все птицы, и в тишине из глубины леса, со стороны топи, закричал человек.

Он оттолкнулся от ствола и побежал на крик, припадая на левую, а ореховая палка на третьем шаге полетела в папоротник.

Глава 2. Гидра

Сначала потянуло тяжёлым болотным духом — тиной и тухлой водой. Эдвард остановился посреди тропы и поднял руку.

— Барс.

— М-м? — Маг шёл позади, уткнувшись в карту, и чуть не налетел на него. — Слушай, мы всё-таки забрали к западу. Вот здесь нарисована речка, а речки нет. Может, её высушили?

— Барс. Замолчи.

Маг замолчал. С Эдвардом он ходил достаточно долго, чтобы знать: когда эльф говорит таким голосом, надо без разговоров доставать посох, — и ясеневое древко с наверху из мутно-голубого кристалла привычно легло в ладонь.

За ельником лежала топь: чёрная вода, кочки в белёсой осоке, мёртвые деревья, торчащие из трясины голыми серыми стволами. Осока у берега была примята широкой полосой, будто по ней волокли брёвна, и в примятом стояла вода.

Вода шевельнулась, и сначала поднялась одна голова — плоская, змеиная, не меньше лошадиной, на длинной шее в зеленовато-бурой чешуе. С неё стекала тина, а жёлтые глаза с щелями зрачков уставились на путников. За ней полезли другие — Барс сбился со счёта на пятой, — и все они покачивались над водой на длинных шеях, а следом, с чавканьем выдирая из ила когтистые лапы, из трясины вылезло тело — приземистое, похожее на ящерицу, которую раздули до размеров амбара.

— Гидра, — сказал Эдвард слишком спокойно. — Бежим.

Гидра оказалась быстрее, чем можно ждать от такой туши. Она ломилась сквозь ельник напрямик, и молодые ёлки хрустели под ней. Одна из голов щёлкнула зубами у самого плеча Барса — маг почувствовал на шее горячее вонючее дыхание.

— Не уйдём! — крикнул Эдвард. — К тому дереву, спиной!

Впереди лежал выворотень — старая сосна, вывернутая бурей вместе с корнями, ствол по грудь, весь во мху. Путники прижались к нему и развернулись.

Эльф выхватил стрелу, натянул тетиву до уха и выстрелил — Барс не успел бы и моргнуть. Стрела вошла ближайшей голове в глаз, и голова обвисла. Вторая стрела ударила в открытую пасть, третья — в мягкое место под челюстью.

— Есть! — выдохнул Барс.

Мёртвая голова отвалилась и шлёпнулась в мох, а из обрубка шеи, пузырясь, уже лезла розовая мокрая мякоть. Она набухла, обрастала чешуёй, и через несколько мгновений над ними снова покачивалась целая голова с горящими жёлтыми глазами, а рядом из той же шеи поднималась вторая.

— Барс, жги обрубки! — процедил Эдвард, накладывая стрелу. — Если прижечь, не отрастают!

Кристалл на посохе полыхнул оранжевым, и огненный шар ударил в шею гидры, туда, где эльф только что сбил очередную голову. Зашипело, пахло палёным, чешуя почернела, и обрубок не отрос. Зато на ладонь ниже ожога вспучился бугор, лопнул — и из него, разева пасть, вылезла новая голова.

— Да как так-то?!

Гидра взревела всеми глотками, и головы ударили разом. Барс в последний миг стукнул посохом о землю, над путниками вспыхнул голубоватый купол, головы врезались в него, и он пошёл трещинами.

— Долго не продержу! — простонал маг.

— Я понял.

Эльф опустил лук. В колчане оставалось шесть стрел, по куполу бежали трещины, у Барса дрожали руки. Эдвард всё это сложил и потянул из-за пояса нож.

* * *

Бежать Авантюристу было недалеко, и нога отзывалась на каждый шаг вспышкой боли, но люди, которые кричат вот так, долго кричать не будут. За годы одиночных заданий он привык сначала смотреть, а уже после лезть, и у края ельника прижался к старому кряжистому дубу в четыре обхвата и выглянул.

Гидра: восемь голов — нет, уже девять, — лапы толщиной в бревно. А у выворотня под мерцающим куполом — двое: высокий светловолосый эльф с ножом и маг в синей мантии, обгоревшей по подолу.

Гидр он никогда не видел, зато знал о них много. «Бестиарий Северных земель», том второй, глава о болотных тварях: «Рубить гидре головы — занятие для глупцов, ибо на месте одной отрастают две. Прижигать раны огнём — занятие для глупцов чуть поумнее, ибо голова вырастет рядом. Жизнь гидры не в головах и не в сердце, но в ядре, что блуждает по жилам твари, как рыба в реке, и никто не может знать, где оно в сей миг».

И другая книга — трактат о стихийной магии: «Молния, ударив, разбегается по всему, что способно её проводить». Когда-то, от скуки, он сложил эти две страницы в голове, и получилась схема: если ядро может быть где угодно — бить надо везде и сразу, молнией. Проверить её он ни разу не успел: не на ком было.

Купол снова громко треснул, маг упал на колено, и Авантюрист шагнул из-за дуба и поднял руку. Магия поднялась снизу, из-под рёбер, потекла по плечу и собралась в ладони, колючая и горячая. Воздух вокруг ладони затрещал и заискрил, и он отпустил.

Бело-голубая молния с грохотом сорвалась с ладони, ударила гидру в бок и разбежалась по чешуе сотней ветвистых трещин, взлетела по шее, охватила лапы, хвост, каждую голову. На миг гидра засветилась изнутри, как фонарь, и сквозь тело проступили тёмные очертания костей.

Свет погас. Гидра стояла неподвижно, девять голов застыли на вытянутых шеех, а над чешуёй курился дымок. Прошла секунда, другая — и по телу от хвоста к головам пробежала серая волна, гидра осыпалась мелким пеплом, и он оседал на мох, на чёрную воду и на мшистый выворотень, а вдали ещё перекатывалось эхо грома.

Схема сработала, но обрадоваться он не успел. Сила гидры пришла к нему изнутри. Так бывало с каждой убитой им тварью, начиная со скального тролля — первого, кого он убил своими руками, лет в восемнадцать: тролль рухнул, а его сила, тяжёлая и холодная, перетекла в него и оставила ему кожу, которая каменеет от удара. Сила гидры оказалась голодной. Под кожей забегали тысячи крохотных муравьёв. Во рту стало солоно и тинно, а шея на миг показала ему длинной, гибкой и чужой — и не одной. На один вдох он увидел топь сразу с девяти сторон. Он зажмурился, а когда открыл глаза, топь снова была одна — та, что перед ним.

Старый шрам на тыльной стороне ладони, память о разбитом в детстве кувшине, зашевелился. Кожа над ним поползла, как тесто под полотенцем, шрам втянулся внутрь и пропал. Последней дошла очередь до ноги: внутри голени сдвинулась кость, и больно не было, только глубокий тупой толчок — обломки сами сошлись друг с другом, ему даже послышался щелчок. Ногу обдало жаром от колена до пятки, и Авантюрист ухватился за дуб и стиснул зубы.

А потом стало горячо под рубахой. Медальон и раньше теплел после трудного боя. Сейчас он раскалился. Огонь не брал Авантюриста с рождения, и боль под самой ключицей, острая и мокрая, была ему незнакома. Он сунул руку под рубаху, сгрёб медальон и оттянул на шнурке от кожи. Обожгло и пальцы. Он держал так, пока жар не пошёл на убыль, а муравьи под кожей не разбежались. На груди, там, где медальон лежал, вздулось красное пятно. Ожог, первый в его жизни.

Он осторожно перенёс вес на левую ногу. Нога, которую лекарь Ждан велел беречь шесть недель, держала, только лубок под штаниной теперь мешал.

Живучесть гидры теперь была его. Мгновенно она не лечила: царапина затягивалась, пока договоришь слово, тяжёлая рана — за часы, и сил на это уходило много. Но кость в голени срасталась уже неделю, и гидре хватило минуты.

Он вынул руку из-под рубахи. Эльф у выворотня смотрел прямо на неё.

* * *

Эльф и маг стояли у выворотня по колено в пепле. Купол погас, маг всё ещё держал посох перед собой, но руки у него опускались сами, а эльф ножа не убирал.

Авантюрист поймал себя на том, что отступил на полшага назад, к дубу. Сейчас они попятятся. Бить можно было слабее: растянуть бой, сделать вид, что далось с трудом.

Маг отряхнул мантию — пепел только размазывался серыми полосами — и, спотыкаясь о кочки, подошёл. Лет двадцати пяти, круглолицый, со взъерошенными тёмными волосами, в широкополой шляпе, съехавшей на затылок, и с пятнышком сажи на носу. Не дойдя, он остановился, прижал посох к груди, как знаменосец древко, и поклонился — глубоко, по-книжному, так что шляпа перевалилась с затылка на нос.

— Благодарю вас за помощь! — объявил он из-под шляпы. — Вы спасли нам жизнь, и я... и мы оба. — Он вернул шляпу на место, набрал воздуха для продолжения, и тут торжественность кончилась: — А почему молнией? Я бы ни за что не додумался!

Эдвард у него за спиной поднял глаза к небу и подержал их там.

— Есть одна книга, — ответил Авантюрист, подбирая слова, и сделал свои полшага обратно. — Там сказано, что ядро у гидры блуждает по телу и никто не знает, где оно. Вот я и подумал: молния бьёт по всему разом. Где бы ядро ни было — достанет.

— Блуждающее ядро! — Маг хлопнул себя по лбу, оставив на нём серое пятно. — Так вы не только умный, но ещё и начитанный! А я о ядре гидры не слышал. Какая книга?

— «Бестиарий Северных земель». Второй том.

— Второй! А у меня только первый, про летающих тварей! — Маг развёл руками, и с мантии посыпался пепел. — Эдвард, ты слышишь? Второй том!

Эльф не ответил. Он уже стоял рядом — подошёл неслышно. Высокий, худой, пепельные волосы стянуты ремешком на затылке, на лице — усталость и насмешка пополам, а на левом плече зелёного плаща заплатка, пришитая вкривь, крупными стежками. Нож он убрал — но только в ножны, не дальше. Оглядел Авантюриста: ворот рубахи, левая нога.

— А вас что привело в этот лес? — спросил Авантюрист мага, лишь бы не молчать под этим взглядом. — В Глухоборье по доброй воле не ходят.

— За артефактом, — ответил вместо мага эльф. — За энерго-кристаллом. Мой друг вычитал его в какой-то легенде.

Сначала ему показалось, что он ослышался, а следом — что это ловушка. Господин в сером, который спрашивал у Онисима, кто ещё берёт книгу. Перо на нужной странице. Карта с готовым ответом. А теперь — двое, которые идут туда же и встретились ему в первое же утро.

— А легенду вы где взяли?

— Выменял! — гордо сказал маг. — У бродячего букиниста, на свою вторую мантию. Она мне всё равно была длинна, а книга — бесценна!

— А букинист был в сером?

— В рыжем, — удивился маг. — Рыжий тулуп, борода до пояса и тележка об одном колесе. А что?

— Ничего.

Маг тем временем пытался оттереть сажу с носа и размазал её до уха. Если этих двоих кто-то и подослал, то выбрал на редкость неудачно.

— Тот, что даёт хозяину дар создавать артефакты, — сказал он.

— Он самый! — обрадовался маг. — Вы тоже про него знаете? В моей книге сказано, что он где-то на севере, в подземных чертогах, и что войти туда можно только вдвоём. Одному нельзя — вот я Эдварда и уговорил.

— Одному в чертог не войти.

— Слово в слово! Это та же легенда!

— Я вычислил, где он. По магическим картам. На север, недели три пути.

Маг перевёл взгляд со своей карты на эльфа.

— «Где-то на севере», — повторил эльф. — «Эдвард, я точно знаю, где это». Две недели назад говорил. Мы две недели ходим кругами, а сегодня ты завёл нас в болото с гидрой.

— Гидры на карте не было!

— На твоей карте и речки нет, которая есть.

— Наоборот! Речка на карте есть, а на самом деле её нет!

— Тем хуже для карты.

Авантюрист отвернулся к топи, чтобы спрятать улыбку.

— Мы, вообще-то, в Сторожевец шли, — сказал Эдвард ему в спину. — В гильдию. Третьего искать: золотого, который дойдёт, куда надо, и лишнего не спросит. Не дошли. — Он дождался, когда Авантюрист обернётся. — А вы-то куда шли? Один. В Глухоборье. Без оружия. — Он подождал. — Хромая.

— Хромая? — Он невольно глянул на свою ногу.

— Когда вы вышли из-за дуба, вы сильно хромали на левую ногу. А сейчас — нет.

— Затебла. Долго стоял за деревом.

— Ага. — Эльф глянул на ногу ещё раз. — Затебла.

— Эдвард, ну что ты! Человек нас спас, а ты его допрашиваешь, как стражник на воротах. Простите его. Он и мне первые полгода не доверял.

— Год, — поправил эльф.

— Ну, год. — Маг протянул руку. — Меня зовут Барс. Я маг. Да, это имя: матушка любила котов, а батюшка — охотничьи истории. А это Эдвард, лучник. Лучший, какого я знаю. И вовсе не такой злой, каким хочет казаться.

— Он мне льстит.

— Меня зовут Авантюрист, — сказал Авантюрист и пожал протянутую руку. Ладонь у Барса была тёплой, в мозолях от посоха и в чернильных пятнах.

— Это... имя или занятие?

— И то и другое. Так записали в гильдии, когда я был мальчишкой. Мне понравилось.

— Удобно, — сказал Эдвард. — Не перепутаешь.

— По-моему, звучит гордо! — заявил Барс. — Как в сказаниях: «И пришёл Авантюрист, и сразил гидру громом небесным»!

— Мне бы не хотелось, чтобы об этом рассказывали. Если можно.

— Совсем никому? — огорчился Барс. — А если без имени? «Некий странник, с виду простой...»

Эдвард кашлянул. Барс вздохнул и досочинял сказание себе под нос.

— Значит, вы знаете дорогу, — подытожил Барс, — а мы как раз ищем третьего. — Он многозначительно подвигал бровями.

Эльф заметил ногу и руку под рубахой, а за три недели пути заметит ещё многое. Барс мял в пальцах обгоревший край мантии, Эдвард разглядывал топь — но не уходил.

— Хорошо. Раз уж вы всё равно шли за мной. Пойдём вместе.

Барс пискнул и сам смутился, а Эдвард подтянул ремень колчана.

— Ладно. Только ведёшь ты. Не он.

— Эдвард!

Барс развернул было свою карту, чтобы возразить, глянул на топь, в которую она их привела, и убрал карту за пазуху.

* * *

Прежде чем уйти, Эдвард присел у выворотня и порылся в пепле. Из гнилого ствола торчал зуб — длинный, изогнутый, толщиной в палец: гидра обломила его, когда промахнулась по Барсу. Единственное, что от неё не рассыпалось. Эльф выковырял зуб ножом, вытер о траву и протянул Авантюристу.

— Держи. У тебя ведь задание на эту тварь? Золотые просто так в Глухоборье не гуляют. А без доказательства в гильдии не заплатят.

— Ведана поверила бы и так.

— Ведана? Остроносая, в Сторожевце? — Эдвард сощурился. — Она с меня три серебряшки взяла. За стрелу в вывеске.

— Он попал в середину буквы «о»! В самую середину!

— Она сказала, что это не довод.

— А откуда ты знаешь, что я золотой?

— Жетон. Болтается поверх куртки, за десять шагов видно.

Он опустил глаза: золотой жетон висел поверх куртки, а из-за ворота выбился второй шнурок — тёмный, потёртый. Он быстро заправил его обратно, но эльф уже отвернулся и шёл к тропе.

Авантюрист двинулся следом и через пару шагов вспомнил про ногу. Захромал он старательно, с припаданием.

— На правую, — сказал Эдвард впереди, отводя с тропы ветку.

— Что?

— Из-за дуба ты хромал на левую.

Авантюрист перестал хромать совсем.

Барс ничего этого не заметил: он рассказывал, как было, — тем же двоим, которые всё видели сами.

— ...и тут из воды — десять голов! Десять!

— Девять, — сказал Эдвард.

— Ты стрелял, тебе некогда было считать! — Барс обернулся. — А вы стояли за дубом. Скажите ему!

— Я не считал. Я смотрел, куда бить.

— Вот! Никто не считал! Значит, могло быть и десять.

— Сначала было семь. Восьмая выросла, когда я стрелял. Девятая — когда ты жёг. — Эдвард перешагнул через корень. — А десятая выросла сейчас, пока ты рассказывал.

— Ну хорошо, девять! Но очень больших! — Барс взмахнул посохом, и эльф впереди пригнулся, не сбившись с шага. Тропа пошла под уклон, к ручью.

* * *

Из леса они выбрались к сумеркам. Ворота Сторожевца на ночь закрывали, и лагерь разбили у ручья на опушке, под старой елью, нижние ветви которой лежали на земле.

Барс щёлкнул пальцами над хворостом, и тот занялся весёлым пламенем, а Эдвард повесил над огнём котелок. Авантюрист выложил на платок хлеб, сыр и вяленое мясо — всё, что захватил утром «на прогулку».

— Хорошо гуляешь, — сказал Эдвард, оглядев платок.

— Сыр! — Барс чуть не обнял платок. — Настоящий! Мы, — пояснил он, — последнюю неделю ели одни грибы. Эдвард говорит, что разбирается в грибах.

— Я разбираюсь в грибах.

— Тогда почему меня позавчера так тошнило?

— Потому что ты съел тот, на который я сказал «не ешь».

— Ты сказал «не ешь» таким голосом, будто шутишь!

— Я никогда не шучу.

Авантюрист уткнулся в хлеб. Про грибы он кое-что знал — однажды наелся в лесу таких, что едва выжил, но эту историю рассказывать не собирался.

Барс говорил весь вечер: как уговаривал Эдварда идти за кристаллом, как мечтает стать великим магом, о каком пишут в книгах, и открыть школу для всех, у кого есть хоть капля дара, и как у него не выходит ледяная магия («Огонь — пожалуйста, а лёд через раз выходит слякотью!»). Каждую книгу, которую называл Авантюрист, он просил повторить по буквам и записывал углём на ладони — тетрадь у него размокла ещё в болоте, — так что к концу вечера список дошёл до локтя. И, конечно, он спрашивал про молнию.

— Как сеть! По всему телу сразу! — Он размахивал ложкой. — Где вы учились? В Академии?

— Сам. По книгам.

— Сам?! Эдвард, ты слышишь? Сам! А вы могли бы когда-нибудь показать хотя бы основы?

Он помедлил. Как объяснить, что учить здесь нечему? На ту молнию у него ушла горсть. Барсу пришлось бы отдать всё, что в нём есть, а потом неделю не вставать.

— Может быть. Когда-нибудь.

— Он вежливо отказал, — перевёл Эдвард и помешал в котелке.

— Он сказал «может быть»!

— Я и говорю.

Эльф почти весь вечер молчал — ел, придирчиво перебирал свои шесть стрел и поглядывал на Авантюриста поверх костра. Перья на его стрелах были туго закручены спиралью вокруг древка.

— Вихревые. — Эдвард поймал его взгляд. — Летят дальше, бьют сильнее. Сам делаю. Только гидре — что слону горошина.

— Гидре всё что слону горошина. Кроме молнии.

— Это я уже понял.

Барс, наевшись, задремал у ствола ели, не стерев с ладони списка, и даже во сне бормотал что-то про второй том, а над ручьём поднимался туман.

Когда бормотание стихло, Эдвард заговорил первым.

— Я за ним присматриваю.

— Вижу.

— Вот и хорошо. — Эдвард отложил стрелу, которую перебирал. — Я не знаю, кто ты такой. И что у тебя с ногой. И что ты прячешь под рубахой. Спрашивать не буду. Ты нас сегодня спас — это я запомню. Но если ты задумал что-то против него... — Он не договорил и снова взял стрелу.

— Не задумал.

— Тогда спи. — Эдвард кивнул на еловые лапы. — Я дежурю первым.

— Верховья Сивой, — сказал Авантюрист, не двинувшись с места. — Предгорья Кряжистого хребта, там, где река закладывает петлю против солнца. Чтобы ты знал, куда я вас веду.

— Сивая, — повторил Эдвард и взялся за следующую стрелу.

* * *

Авантюрист лёг под еловые лапы, подальше от огня, и закрыл глаза. Пятно под ключицей к вечеру только порозовело и саднило, когда он поворачивался. Завтра он отдаст Ведане зуб гидры и выслушает всё, что она думает о людях, которые обещают «только посмотреть». Заплатит Онисиму за комнату вперёд, чтобы никто не тронул книги, а потом они пойдут на север — втроём.

В шаге от него сопел во сне чужой человек, а другой у костра перебирал стрелы.

Ближе к полуночи у костра зашуршало: Эдвард тронул Барса за плечо.

— Твоя очередь, — шепнул эльф одними губами. И ещё тише, так что Авантюрист разобрал это лишь потому, что лежал в трёх шагах и не спал: — Он не человек. Не спи.

Барс возился, садясь, шуршал мантией и подтягивал к себе посох. Эдвард не лёг: сел у ели и положил лук на колени. Авантюрист лежал не шевелясь, лицом к небу, и, чтобы дышать ровно, считал сквозь еловые лапы звёзды. На третьем десятке Барс наконец прошептал:

— Сам не спи.

Глава 3. Ночь теневых волков

Зуб гидры, длинный и изогнутый, лёг на стойку, и Ведана отложила перо.

— «Только посмотреть», — сказала она.

— Я и посмотрел. Вблизи.

Ведана перевела взгляд на ногу Авантюриста. Лубок он срезал ещё утром у ручья ножом Эдварда, стоял на обеих и забыл хромать, а вспоминать было уже поздно. Она отсчитала двадцать пять золотых, придержала последнюю монету пальцем и вернула её в ящик.

— Это Ждану. Он мне теперь неделю будет рассказывать, как ты его не слушал.

Эдвард ждал на крыльце, задрав голову к вывеске над дверью, где в самой середине буквы «о» темнела аккуратная дырка.

* * *

На север они вышли на другой день, и дорога оказалась длиннее, чем обещали карты: тракт то и дело превращался в разбитую колею, а реки — шире, чем нарисовано.

Барс говорил, когда шагал, когда ел и когда, казалось бы, засыпал: о приморской библиотеке, где книги прикованы к полкам цепями, «представляешь, как каторжники!», о том, что облака похожи на руны, — и в доказательство тыкал посохом в небо и спотыкался о корень. Эдвард шёл впереди, слушал лес и по вечерам стругал простые стрелы: вихревых у него осталось шесть, и тратить их на что попало он не собирался. Но на самых длинных историях Барса эльф сбавлял шаг.

На узких тропах Эдвард пропускал Авантюриста вперёд — «иди, я за тобой» — и за первые дни ни разу не повернулся к нему спиной.

— Он всегда такой? — спросил как-то Авантюрист, когда Барс убежал выяснять, похожа ли очередная туча на руну огня.

— Сколько я его знаю. Привыкнешь. Или оглохнешь.

Впереди Барс уже махал им посохом: туча была вылитая руна, и это надо было видеть немедленно.

* * *

Следы Эдвард начал показывать с лосей.

— Смотри. — Он присел у тропы. — Два копыта, большое и маленькое. Лосиха и лосёнок. Маленький то рядом, то в стороне — бегаёт, отвлекается. А вот помёт. Ещё тёплый.

— Ты его потрогал?

— Посмотрел. Тёплый помёт блестит. Учись смотреть, тогда трогать не придётся.

Авантюрист втянулся: лиса ставит лапы в одну линию, заяц выносит задние вперёд передних, у старого следа края осыпаются. Однажды он уверенно объявил медведя. Эдвард присел над отпечатком и поскрёб ногтем его край.

— Это Барс. Он тут с утра сапоги мыл.

— У меня не медвежьи ноги! — донеслось с тропы.

— Я сказал «след».

У ручья Эдвард опустился на корточки и замолчал. На глине отпечатались лапы — крупнее волчьих, с длинными когтями. Цепочка тянулась от кустов к воде и обрывалась посреди ровной глины.

— Он не прыгал. Тогда задние лапы вдавились бы глубже. Шёл — и кончился.

— Кто так ходит? — спросил Барс.

Эдвард тронул край отпечатка, и глина раскрошилась под пальцем.

— Дня четыре, не меньше. Давно ушёл. Пошли.

Авантюрист ещё постоял над глиной, прикидывая, какой же величины зверь так шагает, и догнал спутников уже за поворотом.

* * *

Ржавку они слышали раньше, чем увидели. После дождей бурая вода неслась мутным потоком и волокла сучья. От паромы остались канат, привязанный к столбу, и половина настила.

— Вброд, — решил Эдвард. — Вон там, где пережат. Держаться за канат.

— А может, я наколую ледяной мост? — с надеждой предложил Барс. — Давно хотел попробовать.

— А давно — это сколько раз ты его делал?

— Ни разу. Поэтому и хотел.

— Вброд.

Вода оказалась ледяной и злой, камни под сапогами проворачивались. Эдвард прошёл первым и даже не покачнулся, а последним, за Барсом, шёл Авантюрист. На середине маг охнул: нога ушла в яму, посох взлетел над водой, и течение поволокло Барса к пережатию.

Авантюрист сгрёб Барса за шиворот, выдернул из воды вместе с мокрым плащом, сумкой книг и посохом и одной рукой поставил на камень рядом. Барс хлопал глазами и стучал зубами.

— Ох. Спасибо. Это ты как...

— Камень удачный попался, — быстро ответил Авантюрист. — Упёрся хорошо. Пошли, а то снесёт.

На берегу Эдвард выкручивал плащ и смотрел не на воду, а на его руку, всё ещё сжимающую канат.

* * *

Деревня за рекой встретила их запахом свежего хлеба. Хлеб пекла тётка Марфа — широкая, румяная, с руками в муке по локоть. Мокрых чужаков она, судя по взгляду, не любила.

— Четыре каравая — серебряшка.

— Серебряшка! — Барс прижал ладонь к сердцу. — Сударыня, ржаная с ячменём, тмин и — если нос меня не обманывает — мёд в закваске? В столице за такой хлеб дерут вдвое, а пекут подошву.

— Ну, мёд, — сказала тётка Марфа, и уголок рта у неё дрогнул.

Вышел Барс с четырьмя караваемы, пирогом с капустой «в дорогу» и тремя медяками сдачи с той самой серебряшки.

— Как?

— Человеку приятно, когда его труд ценят. — Барс откусил от пирога. — И хлеб правда отличный. Я ни слова не соврал.

— Он однажды выторговал скидку на подковы у дварфа, — сказал Эдвард. — Дварф ему потом ещё и пиво поставил.

— Этого не может быть.

— Я тоже так думал.

Когда они уходили, тётка Марфа выглянула из дверей.

— К холмам идёте? Вы там ночью огонь не гасите. У нас с весны три овцы пропали и собака. Воет кто-то за холмами — не волки, у волков вой другой. Мужики следы нашли, а зверя нет. Старики говорят, тени ходят. — Она махнула рукой. — Может, и брешут. Но огонь не гасите. Хлеб-то вкусный, жалко будет, если не доедите.

Барс оглянулся на Эдварда. Эдвард смотрел на холмы.

— Не брешут, — сказал он.

Барс пообещал за всех троих и махал ей с дороги караваем, пока Эдвард не отобрал хлеб и не спрятал в мешок.

* * *

Каждую ночь он вызывался сторожить. Спать ему хватало двух-трёх часов, так было всегда, и об этом он молчал. А ещё он помнил шёпот у костра в первую ночь: «Он не человек. Не спи».

Поэтому первые ночи не спал никто. Он сторожил лес. Эдвард лежал, завернувшись в плащ, и следил за ним одним глазом из-под капюшона. Барс сидел с посохом поперёк колен и объяснял, что спать ему совершенно не хочется, такая у него особенность с детства.

— Уснёшь на полуслове, — донеслось из-под плаща.

— Я? Я просто так не сплю. Ни из-за ко...

Подбородок у него упал на грудь. Эдвард продержался дольше. Три ночи он ложился лицом к огню и к тому, кто сидел у огня. На четвёртую ворочался, сел, посмотрел поверх костра — и лёг обратно, спиной. Плечи у него под плащом так и не опустились. Дважды его рука ползла к ножу под свёрнутым плащом, и дважды он её убирал. Потом дыхание выровнялось.

Авантюрист сидел с книгой, и иногда, в самые тихие ночи, медальон под рубахой казался ему тёплым. Но читать становилось всё труднее. По ночам от леса тянуло сырой землёй и погребом, хотя дождей не было, а издали доносился вой — тётка Марфа была права, у волков он другой. Вой обрывался на середине, как будто воющему зажимали пасть. По утрам у лагеря не находилось ни одного следа.

* * *

В ту ночь они остановились в ложбине между двумя замшелыми валунами: от ветра прикрыто, рядом родник, под ногами сухая хвоя. День выдался тяжёлым — бурелом, подъём, холодный дождь. Барс уснул с краюхой в руке, привалившись к валуну, а Эдвард положил лук рядом, нож под руку и лёг спиной к костру, уже не ворочаясь.

Книга так и лежала в сумке. От леса тянуло погребом сильнее, чем в прошлые ночи, и каждый щелчок полена заставлял его скидывать голову.

За кругом света шевельнулась тень, низкая и темнее самой ночи. Ветра не было. Тень перетекла от сосны к сосне и замерла. Он смотрел туда, пока не заслезилась глаза, а через минуту шевельнулось с другой стороны.

— Вставайте. — Он потряс спутников за плечи. — Там кто-то есть. Я уже несколько ночей чувствую, что за нами идут, а сейчас видел движение. Дважды.

Барс сел, моргая и не выпуская краюхи. Эдвард остался лежать. Спина под плащом напряглась и снова обмякла.

— Да спи ты, ничего не случится! — буркнул он и натянул плащ на голову.

Из темноты вылетела тень — длинное поджарое тело, оскаленная пасть, два красных огонька вместо глаз — и прыгнула на свернувшегося эльфа. В ладони Авантюриста с сухим треском возник Меч бурь: рукоять сама легла в руку, тяжёлая и гладкая, по светло-серому клинку побежали голубые искры. Клинок описал полукруг, и тварь, не долетев до Эдварда какого-то локтя, распалась надвое клочьями чёрного дыма. На хвое не осталось ни капли крови.

Эдвард уже сидел с ножом в руке, и сна в глазах не было.

— Что это было? — выговорил Барс.

В темноте вокруг ложбины начали зажигаться глаза — пара, ещё пара, десяток, сотня. Между стволами, в папоротнике, на верхушках валунов — красные, жёлтые, мутно-зелёные.

— Сколько же их... — прошептал Барс.

— Много, — сказал Эдвард и потянулся за луком.

Вельмит — светлый металл, какого в кузнях не льют, — прохладной волной потёк по телу, и голубовато-серые пластины сами легли на плечи и грудь, не тяжелее рубахи. Авантюрист шагнул вперёд и встал между темнотой и спутниками.

— Спиной к камню! Барс, свет!

Над ложбиной вспыхнул шар белого огня, и стали видны сотни поджарых тел с дымчатой шерстью, которая по краям растворялась в воздухе. А потом они бросились — все разом, со всех сторон.

* * *

Первая пасть возникла прямо перед лицом, и от неё пахнуло сырой землёй и погребом. Он ударил снизу вверх, и пасти не стало. Две твари прыгнули с валуна на Барса: одну Авантюрист сбил плечом в полёте, вторую маг встретил струёй пламени в морду. Пламя прошло мимо и ударило в сосну, смола вспыхнула, и ложбину залил рыжий трепещущий свет.

Эдвард стрелял в упор, почти не целясь. Одна стрела проходила сквозь тварь, и та таяла дымом. Другая вонзалась, тварь падала с визгом, и из раны текла настоящая тёмная кровь.

— Некоторые настоящие! — крикнул Эдвард.

— Какие?!

— Если бы я знал!

Когда простые стрелы кончились, эльф выхватил нож — вихревые он не тронул и сейчас — и больше уворачивался, чем бил. Одна тварь всё-таки рванула его за руку, и Эдвард, шипя сквозь зубы, ударил её рукояткой между глаз и вырвался, оставив у неё в зубах полрукава.

Ударь Авантюрист огнём во все стороны сразу — всё кончилось бы за минуту. Он знал, что бывает потом. На Сухом перевале он однажды не удержал, и полсклона кедрача легло, а виверна к тому времени была уже мертва. Здесь, в десяти шагах от Барса и Эдварда, от такого удара не спас бы никакой барьер. Унести их отсюда он тоже не мог: прыжок брал одного, не двоих, а оставить второго в этой темноте даже на вдох — нет.

Поэтому он дрался мечом и заклинаниями — такими, какие мог бы знать сильный маг. Молния прошивала тварей, перескакивая с одной на другую, ледяная волна прокатилась по папоротнику, и полдюжины глаз подёрнулись инеем и погасли, удар воздуха отшвырнул целую свору в темноту.

Одна поднырнула под меч и впилась ему в кисть, в щель между перчаткой и наручем. Боль была острой и горячей: волк был тварью магической, и кожа тролля его клыков не держала. Он разрубил волка — этот оказался настоящим и тяжело шлёпнулся на хвою, — а когда снова поднял меч, от укуса не осталось и розового следа.

Барс выдыхался. Сначала он выкрикивал заклинания звонко, почти весело, потом всё глуше, а потом перестал выкрикивать вовсе и всё тяжелее наваливался на посох.

— Барс! Ты как?

— Отлично! — выдохнул тот. — Никогда, — ещё выдох, — не чувствовал себя лучше.

Тварь прыгнула на него с валуна. Барс вскинул посох — и с наверху сорвался только жалкий сноп искр.

Авантюрист был в четырёх шагах. В поднятой ладони у него уже собирался огонь — настоящий, весь, какой был. А прямо за тварью, на одной с ней линии, сидел Барс. Он стиснул кулак, загоняя огонь обратно. На это ушло полвдоха.

Твари хватило. Она ударила Барса лапами в грудь, опрокинула на камень, и когти прошли по плечу до самого локтя. Барс закричал — тонко и коротко.

Авантюрист оказался рядом быстрее, чем положено человеку. Кулак в латной перчатке отправил тварь кувырком в темноту, она врезалась в сосну, и с ветвей посыпалась хвоя. Мантия на плече Барса была распорота, и в прорехе блестело тёмное и мокрое.

— Царапина, — сказал Барс белыми губами. — Наверное. Не смотри так, мне от этого хуже.

Авантюрист сорвал у него с шеи платок, скомкал и прижал к ране.

— Держи. Сильно.

— Держу. Ой. Ой-ой.

Эдвард шагнул к ним и встал с другой стороны, лицом в темноту.

— Долго ещё до рассвета?

— Часа три. — Звёзды и не думали бледнеть.

— Чудесно, — сказал Эдвард и пырнул ножом очередную морду.

Скоро Авантюрист перестал считать, скольких разрубил. Он кружил вокруг друзей и бил всё, что подбиралось ближе чем на три шага. Эдвард держался, хотя из-под оторванного рукава текло всё сильнее. Барс сидел у камня, зажимал плечо и колдовал одной рукой, сквозь зубы: короткая вспышка, чтобы ослепить, ледяная игла, чтобы сбить прыжок.

Небо над соснами начало сереть, проступили очертания кустов и валунов, где-то неуверенно чирикнула первая птица. И глаза начали гаснуть сотнями: тварь, прыгнувшая на него, растаяла прямо в прыжке, целая стена глаз в папоротнике потускнела и пропала, и через минуту в ложбине остались трое путников и семь зверей.

Это были волки, только крупнее и длиннопалее обычных, с дымчатой шерстью, сквозь которую в утреннем свете просвечивали стволы. Они повели мордами в сторону путников и, поджимая хвосты, бросились прочь от света. Ещё несколько остались лежать у валунов — те, кого ночью достали всерьёз. Светало, а они всё лежали, тяжёлые, с росой на шерсти.

* * *

Меч растворился в воздухе, за ним, пластина за пластиной, исчезла броня.

— Теневые волки, — сказал Авантюрист. — Я про них читал.

— Угу. — Эдвард, морщась, прошёлся вдоль валунов, присел над взрытой хвоей и провёл по ней здоровой рукой. — Следов тут на десяток зверей, а рубили мы всю ночь сотню. — Он кивнул на тёмные туши у камней. — Их было больше десятка. На рассвете осталось семь. Остальное — морок. Жертва до утра машет мечом по теням, выдыхается, а под утро её берут настоящие.

— То есть всю ночь мы дрались с одной стаей, — пробормотал Барс, не открывая глаз. — Если об этом узнают в моей старой школе, меня оттуда выгонят. Посмертно.

— Ты её давно закончил.

— Ради такого случая восстановят и выгонят.

Сначала Авантюрист перевязал Эдварду руку, и эльф, пока терпел, оглядел его: рукав без единой дыры, ладонь без царапины.

Потом Эдвард шил рану Барсу: только у него нашлись игла и нитки — те самые, которыми была пришита заплата на плече зелёного плаща. Барс покосился на заплату.

— Только не так, как плащ.

— Плащ не жаловался.

— Плащ не умеет! — Барс зажмурился. — Подожди. Сначала последняя воля. Посох — школе, пусть повесят над дверью. Чернильницу с совой — тебе, Эдвард, ты ею и так без спросу пользуешься. А тебе, друг, — новую тетрадь. Там на первой странице твой список книг, я его с ладони переписал.

— Ты не умираешь.

— Это пока ты не начал. Ай! Ай-ай-ай. Это я не от боли, — сообщил Барс, побелев до ушей. — Это я тебе подсказываю, где больно. Чтобы ты туда больше не шил.

Стежки у Эдварда выходили крупные и кривые, как на плаще, зато держали. Барс стонал на каждом, разнообразно и с выражением, а на седьмом замолчал и вцепился здоровой рукой в ладонь Авантюриста. Эдвард перекусил нитку на двенадцатом.

Авантюрист смотрел на кривой шов и считал своё: четыре шага, полвдоха.

— Слушай. — Эдвард смотрел на туман, таявший над родником. — Ты ночью сказал, что кто-то ходит в темноте.

— Сказал.

— А я сказал «спи».

— Сказал.

— Я четыре ночи учился засыпать к тебе спиной. Не хотел разучиваться из-за какой-то тени. — Эдвард поковырял носком сапога хвою. — В общем. В следующий раз, когда ты скажешь, что в темноте кто-то есть, я сначала встану. А потом уже буду говорить «спи».

— Ладно, — сказал Авантюрист.

— И ещё. — Эльф кивнул на задремавшего Барса. — Без тебя нас бы съели. Я видел, как ты вокруг нас ходил. Ты мог уйти.

— Не мог, — ответил Авантюрист раньше, чем подумал, и оставил как есть.

Идти дальше никто не мог. Решили отдохнуть хотя бы до полудня, и он по привычке сел у погасшего костра.

— Ложись, — сказал Эдвард и поднял лук. — Ты сторожишь каждую ночь. Я заметил. Теперь моя очередь.

Он лёг на тёплую хвою, подложив под голову сумку с книгами, и смотрел эльфу в спину: тот сидел с луком на коленях, спиной к нему, и нож под руку на этот раз не положил. Потом Эдвард поднялся по склону собирать стрелы, хвоя шуршала у него под сапогами всё дальше, потом шуршать перестала.

— Иди сюда, — позвал эльф сверху.

За валунами, там, где кончалась хвоя и начиналась сырая глина, Эдвард сидел на корточках. Волчьи следы шли вокруг ложбины кольцом, по одной тропе, вытоптанной до гладкой глины: волки кружили тут полночи, как на привязи. А на самом краю кольца, у старого пня, глину продавили сапоги — две пары, одни узкие, другие разбитые, солдатские, — глубоко, носками к ложбине. Здесь стояли долго и переминались с ноги на ногу. Отсюда были видны и костёр, и валуны, и все трое у огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.